

ЕСЛИ Б НЕ ИСЧЕЗЛА СВЯЗЬ...

Охинец Геннадий ФРОЛОВ был в числе тех, кто первым попал в разрушенный Нефтегорск и увидел, какая беда туда пришла

ФОТО АВТОРА

Двадцать лет назад он работал заместителем начальника управления магистральных нефтегазопроводов АО «Сахалинморнефтегаз». По долгу службы сразу же подключился к ликвидации последствий землетрясения.

— Геннадий Васильевич, за 20 лет воспоминания о 28 мая 1995 года не затерлись?

— Нет. Такое трудно забыть. Воспринимается, конечно, все не так остро... В ту ночь я, как и остальные, проснулся от сильного толчка. Первая мысль — наверное, обвалился угол нашего двухэтажного дома. Когда выбежали, я зацепил выключатель в комнате. Вспыхнул свет, и я увидел, что дом цел. Только книги попадали. Это успокоило. Сразу побежал в управление, оно было рядом. Вбегаю в диспетчерскую, которая работает круглые сутки, и вижу — она пустая. Все разбросано по полу от толчка. И что поразило — на столе валяется лампочка-двухсотка. Целая! Упала и не разбилась.

У всех были похожие ощущения: такой сильный толчок, что все обвалилось. Но когда люди увидели, что дома стоят на месте, вернулись на работу.

— Что стали делать дальше?

— Собралось руководство. Выяснилось, что с некоторыми нашими объектами нет связи. В частности, с блоками на трассе нефтепровода на материк, с подразделениями в селе Сабо и Нефтегорске. От МЧС было сообщение, что эпицентр находится вблизи бывшего поселка Ныврово, на полуострове

Шмидта — это северная часть района. Связались с расположенным вблизи селом Колендо. Там сказали — у нас тоже трянуло, люди на улице, но дома все целы.

Аналогично было и в Охе. Мы все и подумали: землетрясение не такое сильное, раз возле эпицентра нет погибших. Поэтому решили — до утра расхлестимся. Позвонили еще в Лазарев — поселок на материковом берегу, куда выходит наш нефтепровод. Там сообщили: толчок был сильный, но разрушений и жертв нет. В тот момент и подумать никто не мог, что если с Нефтегорском нет связи, то там произошло что-то ужасное.

— Когда смогли это обнаружить? И как?

— В 6 утра мы все собрались в управлении. Уже пришла весть, что по дороге на Нефтегорск, со стороны Сабо, виден дым. Главный инженер «Сахалинморнефтегаза» Виктор Романов поехал в ту сторону. Был восьмой час утра. По дороге он встретил людей, которые ехали из Сабо на мотоцикле. Это был старший лейтенант ГАИ Виктор Новоселов и местные жители. Они первыми добрались до Нефтегорска и увидели, что там произошло. Связи не было, и люди поехали в Оху — сообщить, что Нефтегорска больше нет.

Я отправился в ту сторону чуть позже — по всему нефтепроводу упало давление, значит, где-то были порывы, нужно было их искать и устранять. Мосты разрушились, но мы на нашем УАЗе смогли проехать — где вброд, где по старым мостам. Помню — с одного места на дороге открывается вид на весь поселок. С него мы и увидели дымящиеся развалины. Это был Нефтегорск! Точнее, то, что от него осталось... Не уцелела ни одна из 25 пятиэтажек — они сложились как карточные домики, только штабеля из бетона.

Среди развалин возвышалась школа и еще несколько строений. На часах было около 10 утра. Тут в голову пришло — а там, в Охе, еще никто ничего не знает...

Странно, но, наверное, никто из нас в первые часы не ощутил масштаба трагедии. Осознание ужаса пришло чуть позже.

— Что в Нефтегорске больше всего запомнилось?

— Да трудно что-то выделить. Там сильно горел один из домов — в подвале была мастерская, в ней стояли краски и горючие жидкости. Люди под этими завалами сгорели заживо... Очевидцы рассказывали, что снизу кричали, умоляли вытащить из пламени. Все, кто остался в живых, кинулись туда. Буровики, тампонажники и нефтяники делали что могли. Пробовали расчистить ходы

в завалах. Подключали насосы и заливали горящие развалины. Только вручную бетонные обломки не отодвинешь. Строители «Сахалинморнефтемонтажа», работавшие на месторождении Крапивинское, оно рядом с Нефтегорском, подогнали тяжелую технику. Но ее было недостаточно, а счет шел на минуты. Из-за разрушенных мостов основная масса техники для разбора завалов подошла только на третий день.

— У вас там были родные или знакомые?

— Да, в Нефтегорске жило несколько друзей. Один из них работал главным инженером нашего подразделения — цеха по эксплуатации нефтегазопроводов. Он тоже оказался под завалами. Я помог его вытаскивать, и вспоминать это тяжело до сих пор... Квартира у него была на втором этаже, а оказался он лежащим на уровне подвала. Дочь успела выскочить и сверху стала ему кричать. Он отозвался. На второй день уже были спасатели с техникой. Его вытащили, положили на одеяло. Мы порадовались, что он был в сознании и всех узнавал. Помню, несем его к автобусу, чтобы дальше везти к медикам, у каждого одна только мысль — двигаться как можно осторожнее: он ведь под завалами наверняка получил переломы, нельзя ему лишних страданий доставлять. А он сам нас подбодрял — да не осторожничайте так! Занесли мы его в автобус, и вдруг смотрю — он в одно мгновение изменился в лице и стал просить, чтобы его бросили в воду. И умер на наших глазах... Медики позже объяснили, что это синдром длительного сдавливания: когда человек долго находится под завалами, у него от навалившихся тяжестей прекращается нормальная циркуляция крови, не происходит очистка организма. И в нем накапливаются вредные вещества, от которых наступает смерть... Это стало причиной гибели многих нефтегорцев. В другой ситуации таких тонкостей не запомнил бы, а тут врезалось на всю жизнь...

У другого моего друга под завалами осталась жена. А он сам ночью был на даче. Если бы, приехавшие со стороны, были в шоке, то каково было тем, кто пострадал и потерял родных и близких!

— После пережитого и увиденного не хотелось уехать с острова?

— Конечно, хотелось. Это вообще был какой-то массовый порыв. До землетрясения всех охватил строительный бум — люди дачами обзаводились и дачными домиками, начали выбирать участки под индивидуальное жилищное строительство. А после было

Ребенок на развалинах жилых домов еще не совсем понимает, что произошло. Он просто играет. Но в облике его и в глазах взрослые ощущали что-то уже не детское

ощущение какого-то тупика. От шока не все отошли.

Мы с супругой поехали ко мне на родину, в Волгоградскую область, и решили, что будем туда переселяться, построим дом. Вернулись в Оху, чтобы начать сборы. И знаете, обнаружили, что уже нет такого страха перед возможными толчками. Помню, хорошо трянуло 7 января 1996 года. Но все уже воспринималось иначе. Так было и у других. Одним словом, мы не уехали. В Охе убрали пострадавшие дома. А я продолжаю работать в управлении магистральных нефтегазопроводов. И, конечно же, всегда буду помнить Нефтегорск.

Евгений АБЕРИН
averin@skrsu

ФОТО ИЗ АРХИВА ГИДРОНИИ

С одного места на дороге открывается вид на весь поселок. С него мы и увидели дымящиеся развалины. Это был Нефтегорск! Точнее, то, что от него осталось...

ФОТО ИЗ АРХИВА ГИДРОНИИ